

Отношения между Цуй Люем и Чжан Ляньцюэ были... неоднозначными. По всем законам здравого смысла им следовало бы стать названными братьями или верными единомышленниками.

И действительно, первые десять с лишним лет всё к тому и шло. Они были неразлучны: вместе справляли праздники, их семьи дружили домами, а Цуй Люй на пути Чжана к чиновничьим вершинам был не просто «денежным мешком», но порой и мудрым советником, бравшим на себя роль негласного советника — личного секретаря.

В своё время Чжан Ляньцюэ получил назначение на должность секретаря управы в соседнем уезде. Поскольку он так и не прошёл через горнило столичных экзаменов, в глазах начальства он всегда проигрывал тем, кто удостоился звания цзиньши. Даже самый ничтожный выпускник, оказавшийся в хвосте списка сдавших, имел над ним преимущество. В итоге Чжана целых восемь лет продержали на должности секретаря, и никакие хлопоты не помогли ему продвинуться выше.

Ещё до его первого назначения Цуй Люй советовал другу: попытай хотя бы раз удачу на столичных экзаменах. Даже если не пройдёшь, обзаведёшься связями среди сокурсников. Но семья Чжан Ляньцюэ в ту пору была в таком отчаянном положении, что если бы он не пошёл служить немедленно, им было бы просто нечего есть.

Ему нужна была должность здесь и сейчас, чтобы прокормить престарелых родителей и жену с детьми. Звание цзюйжэня было пределом его тогдашних возможностей — самым выгодным и быстрым способом подняться. У него не оставалось сил и времени на годы учёбы ради призрачного шанса в столице. Ему хотелось, чтобы его подрастающие дети и старые отец с матерью наконец-то смогли расправить плечи и жить в почёте, гордясь его статусом.

Поэтому тогда он, едва ли не униженно моля, обратился к Цуй Люю за деньгами для «улаживания дел». Он воротил нос от низких должностей вроде смотрителя тюрем и не желал идти в рядовые инспекторы, где вакансий было в избытке. Его взгляд был прикован к местам помощника уездного судьи или наставника уезда. Но эти должности в провинции всегда считались «семейными» — неписаными, наследственными постами местных кланов. В каждом уезде такие места занимали только доверенные люди префектуры, и Чжану, простому цзюйжэню без связей и родового капитала, никакие деньги не помогли бы их выкупить.

Цуй Люй сидел в покачивающемся экипаже. Ветер иногда приподнимал занавеску, открывая вид на не слишком оживлённые улочки. Каждого второго прохожего он мог назвать по имени — в этом и заключалась причина застоя: куда ни глянь, кругом одни родственники да знакомые.

Таков был его ритуал: всякий раз после встречи с Чжан Ляньцюэ он ехал по знакомым

кварталам, глядя на людей, суетливо пытающихся заработать на кусок хлеба, и напоминал себе: никогда больше не открывай душу первому встречному. Не доверяй слепо.

Чжан Ляньцюэ, застряв на должности секретаря, копил в сердце обиду. Однажды, перебрав хмельного, он сорвался и выплеснул всё негодование на Цуй Люя, обвинив его в скупости. Якобы тот не помог ему в полную силу, из-за чего он упустил кресло помощника уездного судьи.

Хотя на самом деле он прекрасно понимал: в тот раз дело было уже не в деньгах. Его кандидатуру зарубил помощник главы области. Тот ясно дал понять через посредников, что Чжан получит место, только если отдаст свою дочь в дом господина помощника — в качестве наложницы, чтобы «принести удачу» его болезненному сыну. Согласись Чжан на этот позорный брак, он бы тут же стал помощником уездного судьи, а через год и вовсе возглавил бы уезд.

Тогда Цуй Люй счёл Чжана человеком, достойным уважения. Тот отверг предложение, предпочёл унижительную должность секретаря, но сохранил достоинство и долгие годы трудился на износ.

В те смутные времена смены династий старых чиновников лишали мест, а новых катастрофически не хватало. Даже на посты секретаря и ниже соглашались брать сюцаев, лишь бы закрыть бреши. То, что Чжан Ляньцюэ, будучи цзюйжэнем, согласился на место секретаря, стало для всех сигналом: за этим человеком нет ни денег, ни покровителей.

В маленькой уездной управе процветали интриги. Судья, конечно, чувствовал себя уверенно, а его помощник и наставник уезда постоянно тянули одеяло на себя. Секретарь-цзюйжэнь по логике должен был стать правой рукой судьи — при правильном подходе он мог бы уравновесить влияние остальных. Однако Чжан Ляньцюэ не стал доверенным лицом начальника. У него не было средств, чтобы подкупить мелких клерков, и не хватало хватки, чтобы тягаться с верхушкой. Судья, видя в нём лишь «честного, но посредственного человека», нанял себе отдельного советника, а Чжана завалил самой тяжёлой и неблагодарной работой. Тому оставалось только пахать, чтобы сохранить хоть это место.

Когда у человека ничего нет, он мечтает лишь о сытном обеде, и тарелка мяса кажется ему райским блаженством. В те годы у Цуй Люя в клане не было ни одного настоящего друга. Вокруг — толпы родичей, но в их душах цвела лишь зависть к чужому богатству. Видя его одиночество, они толпами шли в поместье просить «в долг», едва не ломая порог. Лишь позже за их льстивыми улыбками он разглядел истину: для них он был просто богатым дурачком, которого грех не обобрать.

Молодой Цуй Люй ещё питал привязанность к сородичам. Дяди, племянники — все они казались ему близкими людьми. Пока они радушно окружали его, он на краткий миг чувствовал тепло семьи, которое хоть немного заполняло пустоту после смерти родителей.

Появление Чжан Ляньцюэ заставило его осознать всю фальшь этих чувств. Искренность способна разрушить любые иллюзии. На фоне Чжана, который тогда, казалось, верил ему всей душой, маски сородичей стали невыносимы. Цуй Люй понял, какую власть имеют деньги, и похоронил надежду на то, что с кланом можно построить жизнь, основанную на гармонии и любви.

Однако жизнь — это река с изменчивым течением. Тот же самый человек, который научил тебя отличать хороших людей от плохих, может обернуться и с помощью ещё более коварных интриг доказать: человеческое сердце непостоянно, и каждый в итоге печётся лишь о собственной шкуре.

Экипаж Цуй Люя плавно остановился у ворот поместья. В этот момент он увидел своего внука, Цуй Цзи, который вместе с друзьями вбегал в дом. Заметив деда, мальчик подбежал к нему и, задрвав голову, спросил:

— Дедушка! Матушка сказала, что я могу позвать друзей на маленький пир, и что теперь так можно всегда. Вы дали мне много-много денег, и их правда можно тратить, да?

Блеск в глазах ребёнка отозвался жаром в сердце Цуй Люя. Он наклонился, потрепал внука по голове и ласково улыбнулся:

— Да. Отныне зови в дом любых друзей, с кем хочешь играть. А если здесь станет тесно, можете поехать в загородное имение. Я велел твоему дедушке Чэну приготовить жаровни и вертелы. Устанете — сами пожарите мясо. Если что-то понадобится, просто скажи матери.

Цуй Цзи было девять лет. Он был старшим сыном Цуй Чжунхао. Вечно сравниваемый с более успешным двоюродным братом, он редко выходил играть. В возрасте, когда полагается бегать и прыгать, родители запирали его в комнате за книгами. В том страшном сне мальчик не дожил до пятнадцати — сгорел от тоски и болезней, став бледной тенью самого себя.

В этот раз, сурово наказав второго сына, Цуй Люй хотел проучить и его жену. Весь месяц после своего «пробуждения» он заставлял Цуй Цзи приносить ему отвары, прикрываясь обязанностью внука заботиться о старших, а на деле — давая ребёнку передышку от учёбы. Так мальчик набрался смелости, которой раньше у него не было — прежде он бы просто убежал, завидев деда.

Пока Цуй Цзи радостно прыгал, Люй заметил ещё одного мальчишку в сторонке. Он поманил его рукой:

— Это же Юаньси? Твоя матушка сегодня отпустила тебя поиграть?

Цуй Юаньси сделал шаг вперёд и чинно поклонился:

— Дядюшка Люй. Матушка наказывала мне обязательно поблагодарить вас при встрече. Вы выделили нам землю и дали в долг инструменты. Моей бабушке теперь стало гораздо легче, она сможет поправить здоровье. Спасибо вам, дядюшка.

Мальчику было тринадцать. Если бы всё шло своим чередом, он бы уже мог пробовать силы на начальных экзаменах. Но жизнь его семьи рухнула после того, как его отец оступился на службе.

Он был посмертным сыном Цуй Сяня. Несмотря на юный возраст, по старшинству в роду он стоял на одном уровне со старшим сыном Люя, Юаньи. Маленький Цуй Цзи должен был называть его дядей.

Цуй Люй кивнул, внимательно рассматривая подростка. Цуй Сянь в его поколении был самым начитанным, но, видимо, от избытка книг стал слишком бесхитростным. Мать с детства учила его во всём слушаться старших в клане, и Сянь вырос «доброй душой», не способной отказать в помощи. Почти всё своё жалованье он раздавал в долг, из-за чего его собственная семья часто нуждалась в самом необходимом. Люй пытался наставить его, но горбатого могила исправит, и со временем он махнул на Сяня рукой. Лишь когда того лишили должности, Цуй Люй взялся расследовать его прошлое.

И это расследование открыло ему правду, которую было трудно принять, но невозможно игнорировать. Человеческая душа — потёмки. Перед лицом выгоды любые чувства — прах, любая искренность — лишь пыль в глаза. Красивые слова служат лишь ширмой для жажды золота. Человечность не стоит и ломаного гроша там, где на кону стоит власть.

Его нынешний характер — жёсткий, как кремень — выковался именно тогда.

Цуй Сяня подставил не только Цуй Яньбинь. К делу приложил руку кое-кто ещё, и если бы Люй не копал так глубоко, он бы никогда не поверил в подобное.

Цуй Люй сказал внуку:

— Принимай дядю Юаньси как следует. И когда начнётся пир, не забудь прислать дедушке угощение. Идите!

Сородичей, которых клан Цуй пристраивал в управу, всегда выбирали из самых честных и покладистых. Цуй Сянь прошёл этот отбор и стал писцом. От него не требовали власти — он должен был быть глазами клана, сообщать о новостях и указах. Казалось бы, самый незаметный человек.

Но кто-то его заметил. Цуй Люй тяжёлым шагом вошёл в дом, но в дверях на миг обернулся в

сторону уездной управы.

В своё время он как-то вскользь упомянул Чжан Ляньцюэ, что хотел бы продвинуть Цуй Сяня. Сделать его из простого писца секретарём управы.

Люй сказал это без задней мысли, но Чжан воспринял слова иначе. Он уже долго сидел на должности секретаря в соседнем уезде и понимал, что выше там не прыгнуть. Тогда он стал искать другие пути и, услышав случайную фразу Цуй Люя, вцепился взглядом в уезд Хуйцюй.

Люй думал, что Чжан метит выше и никогда не позарится на их бедный уезд, поэтому не связывал его интересы с Хуйцюем.

Лишь когда он выяснил, откуда у Цуй Яньбиня взялась идея заставить Сяня подделать приговор, он понял: руки Чжан Ляньцюэ уже давно дотянулись до людей из его клана.

Цель Чжана была проста: подвести всю управу Хуйцюя под статью об укрывательстве врагов прежней династии. В те годы, когда великие кланы нещадно зачищали, любой, кто запятнал себя подобным, в лучшем случае лишался кожи.

Он заставил Цуй Люя заплатить огромную сумму, чтобы заменить смертную казнь для Сяня на пожизненный запрет занимать должности. А затем, взяв эти деньги, отправился в префектуру. На следующий год он уже занял место судьи в Хуйцюе, успешно перепрыгнув из соседнего уезда.

С тех пор Цуй Люй стал его опасаться. Чжан и сам понимал, что поступил подло, но вместо того чтобы просить прощения, он вёл себя так, будто ничего не произошло. Всё так же называл Люя братом, всё так же пил с ним чай и вёл беседы.

Но прежней близости уже не было. Разговоры о том, чтобы породниться домами, затихли сами собой. Дети выросли и женились на других, а семьи перестали ходить друг к другу в гости.

Сердце Цуй Люя с тех пор стало твёрдым как сталь. Он перестал чего-то ждать от людей. А браки своих детей он устроил так, чтобы ограничить власть Чжан Ляньцюэ в уезде.

Его старшая невестка, госпожа У, была из скромной семьи, но её двоюродный брат был женат на дочери столичного чиновника, чей родственник занимал пост помощника уездного судьи в Хуйцюе.

Вторая невестка, госпожа Сунь, была из обычных богачей, но её сестра умудрилась стать женой помощника главы области. Так через вторые-третьи руки Люй мог влиять и на наставника уезда.

Он не мог помешать Чжану лезть наверх, но мог сделать так, чтобы на его нынешнем месте

дела шли из рук вон плохо.

Один раз стать ступенькой для чужой карьеры — этого достаточно. Цуй Люй не был настолько глуп, чтобы повторить это снова.

Прежде чем начать масштабные дела в Хуйцюе, он должен спровадить Чжан Ляньцюэ. Именно для этого он сегодня принёс ему полную шкатулку золота.

Найти поручителя для сына? У Люя были и другие варианты. Зачем он пришёл к Чжану? Да потому что знал: получив деньги, тот бросит все силы на свои столичные связи.

Чжан Ляньцюэ ни дня не хотел оставаться в этом нищем уезде. И Цуй Люй решил помочь ему уйти.

Проводить гостя до самого порога.

<http://bllate.org/book/16118/1584433>